

АННА ЕСИНА

ИСКУССТВО
любить
Пышку

Анна Есина

Искусство любить Пышку

<https://litres.ru/74205412>

Аннотация

Она — скромная учительница гимназии, привыкшая держаться в тени. Он — звезда спорта, чемпион мира по вольной борьбе, успешный тренер, депутат районной Думы и завидный холостяк, чьё лицо украшает городские билборды.

Одна случайная встреча, и безупречный мир Максима переворачивается вверх дном: он влюбляется с первого взгляда. Но Алёна не верит в чудеса. Она уверена: такие, как он, не смотрят на таких, как она.

Что же победит: её упрямое недоверие или его неукротимое желание завоевать её сердце?

Вас ждут искромётные диалоги, неловкие ситуации и жаркие моменты в истории о том, как любовь бросает вызов стереотипам.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	59
Глава 7	70
Глава 8	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Глава 1

Все персонажи являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми – чистая случайность.

Алёна

День перестал быть скучным, едва в приёмную ворвался Он. Воплощение выпестованной мужской красоты. Эталон тестостероновой грации. Лакомый шмат одурающе упругой плоти. Максим Владимирович.

Узнать его было несложно. Физкультурно-оздоровительный комплекс «Труд», что находится напротив нашей гимназии, пестрел огромными баннерами с его изображением. *«Мы воспитываем чемпионов», «Запись в спортивный клуб «Тайгер Тим ММА».*

В центральном парке, если мне не изменяет память, висит не менее гигантский рекламный плакат с фотографией именитого спортсмена посередине и двумя сотнями снимков его воспитанников.

А ещё, кажется, он недавно успешно прошёл в депутаты районной Думы и активно продвигает принципы здорового

образа жизни среди молодёжи.

– Добрый день! – зычно пробасил тренер и напрямую двинулся в сторону директорского кабинета.

Пришлось тормозить красавчика на полном ходу.

– Здравствуйте! Ольга Ивановна в департаменте образования, – рискнула выбраться из-за стола и преградить дорогу ретивому посетителю. О чём мгновенно пожалела.

Вблизи Максим Владимирович оказался чересчур хорош. Под два метра ростом, грудь колесом, живот рельефный и жёсткий, как стиральная доска. Талия узкая, и всё это великолепие зиждилось на длинных крепких ногах.

Признаться честно, я редко заглядываюсь на мужчин. Почти никогда не позволяю себе пялиться на людей, какими бы чудачковатыми экземплярами они не казались. Ни при каких обстоятельствах не позволяю себе разглядывать чьи-то глаза или детально изучать лица. Мне с детства внушили, что тарашиться на других неприлично.

Только сегодня привычный алгоритм засбоил. Наверное, всему виной его внешний вид. И я вовсе не подразумеваю проработанное тело и выразительные черты лица. Он ввалился в приёмную в одном лишь спортивном костюме – чёрном с оранжевыми прожилками, что имитировали изломленные потоки лавы, – и белых, точно снег кроссовках. А на улице начало февраля, между прочим. И лютые сибирские морозы.

– Тогда я обращусь с просьбой к вам, – заулыбался Мак-

сим... как его? Владимирович! И мне подумалось, что у его зубов и обуви есть что-то общее. Всё слепило первозданной белизной. – Не могли бы вы мне помочь распространить эти листовки среди учеников? Буду премного благодарен, если вывесите несколько на информационных стендах и разрешите парочку оставить в вестибюле.

Он подал мне кипу чёрных бланков, на которых пестрел уже знакомый каждому кошаку в подворотне логотип с белой тигриной мордой и фирменной надписью под ним «*Tiger team*».

Я зависла. Вслушивалась в мягкие переливы его грудного голоса, чуть хриповатого и такого интимного. Утопала в тягучей синеве его взгляда. Дичайший контраст – вот, что представлял вблизи этот мужчина. Загорелая кожа, растрёпанные смоляные пряди, лёгкая двухдневная щетина, которая скрадывала квадратную линию челюсти и подчёркивала полноту и сочность губ. Неудивительно, что его слова пролетали мимо ушей. Я чересчур увлеклась бестактным разглядыванием. Да просто в нём столько всего! И каждая деталь цепляла не по-детски.

Поэтому пачку флаеров я выронила, и пол устлали чёрные глянцевые прямоугольники. Тут же бросилась на колени, чтобы исправить оплошность, только тренер меня опередил и живо присел на корточки. Понятное дело, у него с координацией, как и с грацией, никаких проблем, а вот я...

Хм, начнём с того, что я отнюдь не худенькая. Ладно, на-

чистоту: я толстая. Не безобразно жирная, если вы вдруг вообразили себе какую-нибудь разожравшуюся касатку с хрустящей куриной ножкой в зубах и бумажным ведром этих сочных лакомств подмышкой, нет. Но и стройняшкой с плоским животом и вздёрнутой попой меня не обзовёшь. Я этакий середнячок между тушей в полтора центнера и костлявой анорексичкой. Спелая бабень, сошедшая прямиком со страниц некрасовских произведений.

Нагнуться «с красивой силой в движениях» и со «взглядом цариц» не получилось. Помешал слишком объёмный бюст. Распущенные волосы водопадом посыпались на лицо, закрывая обзор. Я схватила несколько гладких листовок, почувствовала, как моей руки нечаянно коснулись мужские пальцы, вздрогнула и попыталась резко выпрямиться.

Максим Владимирович, бедолага, не ожидал, что подпрыгну и метнусь в сторону – видать, в его круге общения маловато истеричных особ, – рискнул помочь и тут же схлопотал мой коронный удар лбом в челюсть. Лязгнули зубы. У меня что-то вспыхнуло перед глазами. От неожиданности я плюхнулась на попу, а травмированный тренер зашипел от боли и потёр ушибленный подбородок. И всё же выпрямился и подал мне руку.

– Как неловко вышло, вы уж простите! – искренне попросил он, покуда меня обуревали волны стыда.

Пока с кряхтением поднималась – самостоятельно, потому что горделиво отвергла поданную руку, – расправляла

длинную юбку и проверяла, цела ли черепушка, он опять заговорил:

– Надеюсь, вы не пострадали? Очень неуклюже с моей стороны. Дайте-ка посмотреть, – он бесцеремонно вздёрнул мою голову за подбородок, навис над лицом прекрасной грозовой тучей и ощупал лоб.

– Нет-нет, я в порядке, – поспешила уверить, а сама дивилась его прикосновениям.

Мягкие мазки подушечками пальцев, от которых пахло ментолом, прошлись над бровями и спустились к виску. Очертили упитанные щёки. **Хей, зачем?!**

– Уберите, пожалуйста, руки, – пропищала в отчаянии и отшатнулась, едва он попробовал приблизиться ещё на шаг. – Со мной всё отлично!

– Ну, знаете, иногда лучше воочию убедиться. – Максим отступил, только глазеть на меня не перестал.

– А-а, ну да, – согласилась по инерции, потом всё же додумалась присесть, споро сгребла рекламации в неаккуратную стопку и прижала к груди.

Быстро выпрямилась и лишь тогда уловила прямой как стрела взгляд, скользящий от макушки к ступням. Тренер меня сканировал, изучал, запоминал в деталях. Любопытно узнать, с какой целью?

Щёки невольно загорелись под его пытливыми глазами цвета индиго.

– Я отнесу ваши листочки в учительскую, – заблела по-

чти шёпотом.

– Спасибо.

– Классные руководители раздадут ученикам, сбросят фото в родительские чаты.

– Да, это здорово.

– В вестибюле можете оставить парочку. Я передам на вахту, чтобы приклеили на видном месте.

– И за это признателен.

А сам поедал меня маньяческим взором, таким тяжёлым и липким, что хотелось сбежать из страны. Я не привыкла к столь откровенному разглядыванию. Мужчины редко залипают на красоток оверсайз вроде меня. Нет, иногда, конечно, смотрят в мою сторону – на попу, например, если имею неосторожность обтянуть бёдра одеждой, или клюют носом в декольте, коли случается настолько опростоволоситься и напаялить неподходящий верх, который выставляет все прелести напоказ. Но вот с таким хамским оцениванием, когда в поле зрения попалась целиком, а не наиболее выдающиеся части тела, я встретилась впервые. И стушеввалась. Вернее, запаниковала.

Эге-гей, что происходит? Смазливый и накаченным мачо не заходят пышнотелые нимфы, мне ли не знать!

Максим Владимирович вовсе не собирался прекращать этот балаган. Стоял почти вплотную, взмахивал пушистыми тёмными ресницами, егозил по мне глазами. Дышал как-то отрывисто.

Сделала шаг влево, намереваясь обойти препятствие. Он тут же последовал за мной. Я насупилась, прижала листовки теснее и попыталась обойти помеху с другой стороны.

– Дайте же пройти!

– Когда у вас обеденный перерыв?

Мы заговорили одновременно, поэтому плохо расслышали друг друга. Я уж точно не разобрала, что он пролепетал своими полными и чувственными губами, один вид которых заставлял облизнуться.

– Посторонитесь, говорю. Мне нужно в учительскую.

И на вокзал за билетами. Трусливый порыв схорониться на месяцок у бабули в деревне никуда не исчез.

– Пообедаете со мной? – выпалил товарищ Жадные Зенки чуть ли не с отчаянием.

– Нет! – ответила чересчур резко, будто оплеуху отвесила.

– У меня дел не впрокорот.

Ещё же вещи собирать, чтобы податься в бега. Поддельные документы доставать, записываться на пластическую операцию по смене лица и пола. А всё из-за тебя, плейбой. Вылупился ни к месту!

Бочком протиснулась мимо вощёного мужика, мимоходом угодила в ауру его запаха, и по телу с грохотом пронёсся товарный состав с мурашками. Копи царя Соломона, как божественно он пах!

Туалетную воду угадала без труда: Dior Sauvage. В ней звучал изысканный шлейф бергамота, а в послевкусии рас-

крывались землистые нотки пачули. В сочетании с крепким амбре геля для душа (наверняка какой-нибудь «Олд Спайс» или «Акс») выходило недурственно. Даже добравшись до учительской, я всё ещё ощущала его аромат и по инерции продолжила гадать, что так привлекло его в моей заурядной внешности.

Внезапный приступ симпатии исключаем сразу. Красавчики сходят по мне с ума исключительно во снах. В моих сновидениях, мечтательно- несбыточных. Может, у него недобор воспитанников и срочно требуется помощь соседней гимназии? Тогда идея охмурить советника директора по воспитательной работе выглядит здоровой. Он меня пару раз покормит (всем ведь известно, что путь к сердцу толстушек пролегает через барханы бизнес-ланчей), а я расстараюсь на славу: запланируем совместный спортивный досуг, проведём соревнования среди гимназистов. Разумеется, с привлечением родительской общественности и так далее.

– Лен, ты чего застыла? – молоденькая учительница математики Рената Альбертовна глянула на меня с озабоченностью. – Губами шевелишь, в лице ни кровинки. Плохо себя чувствуешь?

Да просто отвратительно!

– Нет, Рина, всё отлично, – солгала, не моргнув. – Я тут вам рекламу от Максима... м-м-м, Владимировича принесла. Будь другом, раздай по классам.

При упоминании именитого тренера и спортсмена между-

народника Рената оживилась. Схватила кипу чёрных бланков, с жадностью изучила и разочарованно вздохнула. Я поняла её эмоции. К несчастью, Человек-рентген не печатал свой снимок на рекламках. Поди знал, что тогда их залиют слюнями обожательницы и посрыгают недоброжелатели.

– Конечно, раздам, – улыбнулась математичка.

А я вернулась к себе за стол и с головой ушла в обязанности, задним числом привычно недоумевая, кому и зачем понадобилась переименовывать должность педагога-организатора в звучное звание «советника директора». Вот сидела я раньше в тихом закутке за актовым залом в окружении коробок с реквизитом и стоек с костюмами. Девчонки забежали ко мне на чай со сплетнями. Рабочий день проносился со скоростью звука, а если растягивался до позднего вечера, то я совершенно этого не замечала.

Что в остатке? Меня перебазировали в приёмную директора, почитай, на самое видное место. Снабдили новой табличкой и невразумительной должностной инструкцией. Список обязанностей сохранился, а вот удовольствия стало в разы меньше, потому что меня лишили привычного окружения.

Поди сосредоточься, когда по кабинету шастает толпа народа. То возмущённые родители, то злопыхатели с жалобами, то нерадивые ученики, то проштрафившиеся учителя, а то и вовсе brutальные дядьки надушатся обалденным парфюмом и давай вовсю отвлекать от работы фантомными за-

пахами. Эх, жизнь моя жестянка!

Глава 2

Максим

Я сижу в зале заседаний, тесном, но по-своему уютном. Стены отделаны светлым деревом, на подоконниках дрожат от сквозняка бумажные жалюзи. За окном февральская серость: снег, утрамбованный до ледяной корки, и голые тополя, будто штыки в сером небе. Начало года, а ощущение, что зима не кончится никогда. Морозы ещё не отступили, и всё вокруг кажется продрогшим и полуживым. В отличие от меня. А всё благодаря утренней встрече с одной очень своеобразной учительницей.

В зале – человек пятнадцать. Не парламент столицы, конечно, но каждый здесь на счету. Мы – районная Дума, и от наших решений зависит, как этот маленький городок проживёт ближайший год.

Оглядываю присутствующих без интереса. Наш председатель, Николай Иванович, седой, с тяжёлыми веками и голосом, который звучит так, будто он всю жизнь читал лекции в университете. Говорит медленно, взвешивая каждое слово. Много нудит по-стариковски.

Я – депутат от третьего округа. Оправдавший все надежды и финансовые вливания тренер, заслуженный мастер спорта по вольной борьбе и основатель спортивного клуба «Панкра-

тион» в нашем городе. Чутьочку нарцисс, капельку павлин. Люблю говорить образно, за что меня то хвалят, то корят.

Перед началом заседания Николай Иванович стучит молоточком: звук глухой, не торжественный, а скорее буднич- ный. Меня снова отсылает к незнакомке из приёмной дирек- тора. В мыслях всплывают раскрасневшееся лицо, круглые щёчки и испуганный взгляд.

– Итак, товарищи, открываем заседание. Повестка дня: бюджет на 2026 год, ремонт дорог, вопрос о закрытии старой котельной. Кто за то, чтобы начать с бюджета?

Руки поднимаются почти синхронно. Бюджет – это всегда боль.

Анна Петровна встаёт, поправляет очки. Единственная женщина в зале. Строгая причёска, папка с бумагами толще Библии. Знает все нормативы наизусть. Бубнит на манер де- ревенского старосты:

– Довожу до вашего сведения: дефицит составляет 12 миллионов рублей. Основные статьи расходов – ЖКХ и об- разование. Предлагаю урезать финансирование программы по озеленению.

– Опять урезать?! – не выдерживаю я. – У нас и так город серый, как этот февраль. Люди жалуются: ни клумб, ни но- вых деревьев.

– А люди не жалуются на протекающие крыши? – резко отвечает Сергей Владимирович, бывший директор завода, почившего ещё на заре девяностых. Широкие плечи, грубо-

ватые манеры, в глазах неимоверная усталость. Говорит редко, но метко, и напоминает ленивца из мультика «Зверополис». – Котельная на ладан дышит. Если рванет, весь район без тепла останется.

Андрюха, мой соратник, поднимает руку:

– Можно предложить альтернативный вариант? Мы могли бы запустить краудфандинговую платформу для сбора средств на озеленение. Я уже набросал черновик.

Он самый юный из нас. Очки, свитер, вечно что-то печатает в ноутбуке. Пытается внедрить «цифровые решения», но пока его слушают вполуха, как и меня. Молодо-зелено, что называется.

– Андрей, – вздыхает Николай Иванович, – у нас половина жителей даже электронную почту не освоила. Какой краудфандинг?

В зале смешки. Друзе краснеет, но ноутбук не закрывает. Смотрит на меня, подначивая вступить, но я сегодня не в настроении. Разум витает где-то далеко, поэтому предпочитаю отмалчиваться.

Ленивец Сергей Владимирович берёт слово:

– Я был на объекте вчера, – это он о старой котельной, которую следовало закрыть ещё пару десятилетий назад. – Трубы гнилые, котлы – музейные экспонаты. Если не заменить сейчас, к следующему февралю будем греться у костров.

– А где деньги взять? – хмуро спрашивает Анна Петровна. – У нас нет резервных фондов.

– Можно перераспределить средства из дорожного фонда, – предлагаю я. – Да, дороги у нас не идеальные, но без тепла люди точно не выживут.

– Перераспределение – это волокита, – качает головой Николай Иванович. – Нужно согласование с областью, а там сейчас свои проблемы.

Молчание. Слышно, как за окном воет ветер.

Вдруг встаёт Андрюха, у него, видать, свербит в энном месте. Все смотрят на него с удивлением.

– У меня есть идея. В прошлом году область выделяла гранты на энергоэффективные проекты. Мы могли бы подать заявку на модернизацию котельной с использованием альтернативных источников энергии. Я уже связался с заместителем главного архитектора города, он готов помочь с расчётами.

В зале тишина. Потом Анна Петровна медленно кивает:

– Логично. Но нужно подготовить документы за неделю. Успеем?

– Если работать без выходных – да, – отвечает приятель, и в его глазах загорается азарт.

Мне наперёд становится тошно. Если бы знал заранее, в какую кучу экскрементов вляпаюсь, попади сюда, ни за что бы не согласился с предложением баллотироваться в Думу. Я, наивный тридцатилетний маргарит, в ту пору считал, что депутаты могут как-то изменить жизнь города к лучшему, есть, мол, у них реальные рычаги давления. Как бы не

так! Весь процесс депутатства сводится к банальной истине: сдохни, ковыряясь в бумажках. Отчёты, циферки, пустые бо-дания с более маститыми политиками, затрещины отовсюду. Это как ловля ветра сачком: если ты энергичен от природы – выдохнешься сам, если плывёшь по течению – притопим, а всех несогласных с доктриной шлют за борт без спасательного жилета.

В финале заседания Николай Иванович снова стучит молоточком:

– Решено. Максим, Андрей, Анна Петровна – готовите за-явку.

А ведь я помалкивал почти всё время. Эх, всякий раз за-бываю уточнить, можно ли материться в стенах районной ад-министрации – конкретно сейчас хотелось обложить трёх-этажной бранью выскочку Андрюху с его краудфандингами, политической артикуляцией, делегитимацией власти и кон-сенсусной демократией. Все они только что цинично угро-били мои планы на этот уикенд.

– Остальным задание: продумать варианты перераспреде-ления бюджета, – распоряжается председатель.

И я с горем пополам удерживаю себя на месте. Хотелось вскочить и напроситься в команду мозгового штурма, вме-сто того чтобы протирать штаны над сбором документации к проекту модернизации прогнившего сарая.

– Заседание объявляю закрытым.

Все встают, начинают собираться. Кто-то ворчит, кто-то

перекидывается шутками. Я смотрю в окно: ветер всё так же воет, морозная дымка ещё не рассеялась, но, кажется, будто небо чуть посветлело, и вот-вот выглянет солнце.

Меня всё ещё терзает вопрос, почему она мне отказала в таком простом предложении пообедать. Это ведь не намёк на свидание и совсем далеко от неприличного приглашения заночевать под одним одеялом. Трапеза на двоих, только и всего.

– Макс, ты где витаешь? – нагоняет меня в коридоре подставщик Андрей, приятельски закидывает руку на шею и тычет кулаком под рёбра.

– Да так, – бурчу невразумительно.

Делиться подробностями неудавшегося знакомства с девушкой нет желания. Мозолька, которую она отдала своей тяжёлой туфелькой, выкрикнув решительное «Нет!» мне в лицо, всё ещё побаливает. К вечеру понадобится пластырь. Желательно такой же аппетитный с большой, нет, огромной грудью, лакомой жо... попой и испуганными глазами.

Я ещё в приёмной раздел её мысленно. Бесцельно, по привычке. И закапал слюной пол перед кабинетом директора. Да и сейчас впору утираться.

– Что с планами на вечер? – Андрюха не отлипает, невтерпёж ему заразить меня той бациллой, которая заставляет мужика загореться идеей модернизации котельной для общегородских нужд.

И я бы зажёгся, коли бы речь шла о поиске инвесторов,

подрядчиков и поставщиков. Коммуницирование – вот моя сильная сторона, а вовсе не копания в бумажках и возня с расчётами и сметами. Бюрократия меня убивает.

– У меня две группы в пять и шесть вечера, – всё так же неохотно рассказываю. Настроение полощется где-то в районе подошв. – Потом потреним со взрослыми. У нас сегодня длительная силовая в клубе. Присоединяйся.

Андрюха – белоручка и дохляк, так что съезжает с темы моментально.

– В другой раз, – выдаёт дежурную отмазку. – Надо покопаться в сети, отыскать список документов для подачи заявки.

На том наши пути расходятся.

Мчу на стадион. Заседания в Думе – штука очень отвлекающая. С трудом они у меня умещаются в расписании. Между занятиями приходится распыляться на мелкие раздражители: звонки, переписки, встречи с родителями. А ещё бумажки, инвентарь, реклама, соцсети... В общем, день как марафон без финишной черты. К концу либо умудохаешься в хлам, либо ползёшь до изнеможения навстречу новому дню.

Зал ещё пустой. Я раскладываю маты, проверяю защиту, включаю музыку – бодрую, но не оглушающую. Влетают первые малыши, всем по пять – шесть лет. Они напоминают воробьёв: кричат, толкаются, кто-то уже пытается сделать сальто.

– Артём, где шлем? – вопрошаю строго.

– Забыл!

– Опять? Тогда сегодня без спаррингов, будешь отрабатывать технику.

– Нууу...

– Без «ну». Правила равны для всех.

К концу занятия голова гудит от бесконечного: «А можно мне попить?», «А почему Ваня сделал лучше?», «А когда соревнования?» и «А вы научите меня бить как в кино?»

Но когда вижу, как кто-то из них впервые правильно делает бросок, сердце ёкает. Это оно и есть, огромное распирающее грудь чувство гордости за успехи своих пострелят.

В перерыве бегло просматриваю телефон. Три сообщения в чате родителей, там же два голосовых от сердобольных мамаш («Максим... Владимирович, вы не могли бы...»). Отчество всегда добавляется через паузу, словно многим из них подсознательно хочется называть меня по имени.

Ещё письмо на почту прилетело: *«Прошу разъяснить методику подготовки к первенству района»*. Въедливые у моих ребят родители.

Звонит мама Димы из средней группы:

– Максим... Владимирович, вы уверены, что ему стоит идти на спарринги? Он такой чувствительный!

– Он крепкий, работает чётко. Если будем бояться, не вырастет боец.

– Но он же ещё ребёнок!

– Именно поэтому важно учить его преодолевать страх.

Кладу трубку. В дверях уже стоит другая обеспокоенная родительница:

– Максим... Владимирович, вы не могли бы позаниматься с Ариной индивидуально? Я готова оплачивать эти занятия дополнительно.

– У нас групповые занятия – это мой принцип. Если всем делать исключения, система рухнет.

Она вздыхает, но не уходит:

– Вы такой... целеустремлённый. Вам бы жену найти. Вам нужен чуткий человек рядом.

Я улыбаюсь, киваю, мягко закрываю дверь. Жениться стратегически необходимо хотя бы потому, что мне осточертело слышать эти однотипные советы тире предложения с подтекстом.

«Выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня». Напеваю по пути в зал, где уже поджидают пятиклассники.

Одиннадцатилетние считают себя взрослыми. Стоят в дверях, перешёптываются, делают вид, что им всё равно.

– Так, парни, разминка. Пять кругов по залу. Бегом!

– А можно без бега?

– Можно. Тогда десять кругов.

Смеются, но бегут.

В середине тренировки ко мне подходит Серёга и деловито спрашивает:

– Макс Владимирович, а правда, что в ММА бьют локтя-

ми в партере?

– Правда.

– А у нас можно?

– Нет. Мы учим контролировать себя, а не ломать других. Здесь вы изучаете технику ведения боя, там сражаются за победу.

Он кивает, но видно, не до конца верит. Потом убедится на личном опыте.

После занятия снова несмолкаемые разговоры с родительницами. Мама Миланы говорит с обидой:

– Максим Владимирович, дочь говорит, что вы её не замечаете. Что она хуже других.

– Она отлично работает. Но я не хвалю за то, что она просто пришла. Хвалить буду за прогресс.

– А как ей прогрессировать?

– Больше практики, дисциплина, режим. И перестать сравнивать себя с другими. Это пагубно сказывается на объективной самооценке.

Она задумчиво кивает. Бегло смотрю на часы. У меня пять минут до следующей группы. Глотаю бутерброд, проверяю список претендентов для участия в городском турнире.

Через час на последнем издыхании мчусь на другой конец города, в зал для взрослых, где занимаются панкратионом.

Всех приветствую рукопожатием. Бойцы полностью собраны, серьёзные, молчаливые. Знают, что сегодня будет тяжело. Семь потов с них сгоню.

– Итак, отработка комбинаций. Первый – проход в ноги, второй – контрбросок. Работаем в парах.

– А можно сначала спарринг?

– Сначала техника. Иначе спарринг будет хаотичным.

В углу двое спорят:

– Ты меня толкнул!

– Это ты не удержался!

Подхожу:

– Спокойно, парни. Разбираем ошибки, а не обиды.

Для непосвящённых объясняю, что панкратион – это не заливчатское размахивание руками и ногами, а шахматы на ковре.

– Олег, ты слишком открываешься на левом фланге! – делаю замечание желторотому новичку.

– Так он же медленный!

– Это в тренировочном бою, а в настоящем от тебя мокрого места не останется, если не прекратишь черепашить. Думай на два хода вперёд и никогда не делай послабления сопернику, даже если нутром ощущаешь, что он тебе в подмётки не годится.

К восьми вечера я похож на банановую кожуру: все силы растрочены, осталось только желание броситься на пол и пасть кому-нибудь под ноги, чтобы подхватили и зашвырнули в ведро, а лучше прямиком в кровать.

Вместо этого сижу за столом, разбираю заявки на турнир, отвечаю на сообщения и считаю расходы. На углу стоит тер-

мосок с остывшим чаем, по экрану ползут графики нагрузок на следующую неделю.

Телефон вибрирует: очередное сообщение от мамы из младшей группы («А можно мы пропустим вторник? У нас день рождения...»). Я вздыхаю, печатаю: «Хорошо, что предупредили заранее».

В зеркале на двери кабинета вижу своё отражение: уставший, но не сломленный. Волосы влажные, футболка в пятнах пота, на плече налился синяк – след от детского шлема (кто-то из малышей не рассчитал удар).

Я выключаю свет, запираю зал. Завтра всё начнётся снова. Подъем в 5:45, разминка, пробежка и бесконечная круговерть от стадиона к клубу. В перерывах между группами вновь предстоит мотаться по городу с рекламными листовками наперевес.

Возвращаться в абсолютно пустую и тихую квартиру не ново, но всё так же уныло. Я наливаю чай, открываю ноутбук и начинаю писать пост для соцсетей: «Как приучить ребёнка к дисциплине через спорт». Потому что завтра кто-то непременно спросит, и надо быть готовым ответить.

По ходу действия мысли сами возвращаются к пышечке из гимназии. Мне вдруг хочется увидеть её ещё раз, разузнать, нет ли у неё детей, которых нужно приобщить к спорту. Уверен, надумай она обратиться ко мне с какой-нибудь пресной просьбой, меня вовсе бы не покорила пауза между именем и отчеством. Скорее наоборот, я жажду услышать «Мак-

сим...» с двумя долгими протяжными «М» в начале и на конце. Особенно в исполнении её ярких розовых губ.

 Если понравилась история, пожалуйста, не забывайте ставить звёздочки, подписываться на автора и добавлять к себе в библиотеку! Так мы с Вами точно не потеряем друг друга! Сердечек Вам в настроение #####

Глава 3

Алёна

Вечер проходил спокойно, если не сказать безрадостно. В семь ко мне забежала соседка и по совместительству лучшая подруга Инна. Мы обсудили новости за день, точнее их полное отсутствие, плотно отужинали отварным картофелем под сливками с зеленью, селёдкой пряного посола и за обсуждением сериала схмячили чудный морковный торт.

На последнем кусочке я вдруг вспомнила пробирающий до костей взгляд тренера, поперхнулась и с досадой отложила вилку.

Инка похлопала меня по спине и заботливо спросила:

– Ты как?

– К нам сегодня Максим Владимирович заходил, – ответила невпопад и густо покраснела. Спряталась за кружкой чая, продолжая негромко покашливать.

– Это который?

– Это Дегтярёв, тренер по вольной борьбе из ФОКа [физкультурно-оздоровительный комплекс – *здесь и далее примечание автора*].

– Смазливый такой брюнет с крепкой задницей, в которую так и тянет вцепиться зубами? Патлатый, да?

Недурственная формулировка заставила улыбнуться. К

этой его филейной части я не присматривалась. Пока что.

– Наверное, он, – согласилась мечтательно. – Его фото с медалями и кубиком висит перед главным входом на стадион.

– Ну точно об одном Максимке говорим. И что? Зачем заходил-то?

– Рекламные листовки просил распространить, – ответила с неохотой и мысленно отругала себя за глупость. Зачем вообще начала этот разговор? Инка ни в жизнь не поверит, что тренер на меня пялился, да ещё потрогать стремился.

– Понятно, к нам тоже частенько заезжает, – пожалала плечами подруга. Она работает воспитателем в детском саду. – А к чему ты его упомянула?

– Да так, – всё ещё сомневалась, стоило ли обнародовать подробности нашего куцевого диалога, а потом брякнула себе на погибель: – Он пригласил меня пообедать вместе.

– Да иди ты!

– Я отказалась.

– С ума чокнулась?! Почему?

– Ин, ну ты видела его вблизи?

– Видела, – фыркнула соседка, – и вовсе не прочь пощупать, только он к бабам как-то не очень. Ходит слушок, будто он из противненьких.

– Угораешь?!

– Вот тебе крест! – запальчиво воскликнула Инка, а вместо распятия протянула телефон с его страницей в соцсетях.

Фокус я не уловила. В закладках она у неё что ли или на панели быстрого доступа?

– Глянь только! – Перед глазами замелькали многочисленные фотографии успешного спортсмена.

Протестуя отодвинула от себя гаджет. Не хотелось таращиться в замочную скважину и подглядывать без спроса.

Инна погасила экран, но от комментария не удержалась:

– И это, между прочим, личная страница. Ни тебе няшных фотографий с тренировок, где по его полуобнажённому торсу скользят капли пота, ни кадров в обнимку с девушкой. Точно знаю, что на него точат зубки все незамужние хищницы в городе от восемнадцати и до сорока пяти...

– Ну ты махнула, конечно!

– А что?! Он гораздо круче Прохора Шаляпина, рельефнее так уж точно, мог бы осчастливить какую-нибудь молодую разведёнку.

Я заржала в голос, воображая эту картину: brutальный Максим Владимирович окучивает побитую молью бабуся со вставной челюстью и накладной грудью.

– Так что, смейся не смейся, а с ориентацией у него всё вяло. Охотник до мужицких жоп.

– Да ну тебя, пошлячка! – пуще прежнего развеселилась, и на душе внезапно полегчало.

– Слушай, а может он тебя потому на свиданку и позвал? Хочет прикрыть рты злопыхателям? Мол, я от булочек балдею, чего вы ко мне с гомосятиной пристали? Просто искал

полжизни вот такую, чтобы и в теле, и красotka знойная!

– Это я-то знойная? – утёрла слёзы в уголках глаз, не переставая надрываться от смеха.

– Ну не я же! – шлёпнула она себя по ляжке.

Комплекцией мы примерно схожи. Обе носим пятьдесят четвёртый размер, с огромным трудом подбираем бельё в магазине. Производители кружевных комплектов свято уверены, что девочкам вроде нас, кто от природы наделён бюстом пятого размера, полагается иметь необхватные бёдра и прятать их в панталонах из парусины. Иначе не пойму, почему так трудно отыскать мало-мальски приличное бельё?

– Скажи ещё, что никогда не задумывалась, какая ты секси? С этими выющимися чёрными волосами до талии, торчащей грудью, аккуратным круглым животиком и крутыми бёдрами, которые при ходьбе мотылятся так, что мужики шеи сворачивают и в канализационные люки проваливаются.

– Честно? Ни единого раза.

– Я уже молчу о твоей физиономии, – словно не услышала моего ответа Инка. – Тебя ж совсем чутка подрихтовать: глаза подчеркнуть, скулы слегка выделить и брови погуще подвести – и всё, готовая поп-дива. Останется только переодеть, – тут она задумчиво закусила большой палец и глубокомысленно изрекла: – Хотя нет, лучше раздеть и привязать к кровати. Не то сбежишь!

– Бредишь ты, Копылова, – покачала головой и долила в

свою кружку кипятка. – Ещё чай будешь?

– Ничего не брежу, это ты из своего шерстяного панциря никак не выберешься, – она с осуждением потрепала меня за рукав фланелевой домашней пижамы, намекая на любовь к вязаным вещам.

Да, я одеваюсь практично. Не обтягиваюсь в трикотаж и другие коварные ткани, которые имеют поганую привычку выпячивать мои и без того чрезмерные формы.

– Мне уютно в свитерах и старушечьих юбках. Тепло и комфортно, – озвучила часть мыслей.

– Коротать ночи в холодной постели тоже входит в список комфорта? – набычилась соседка. – Скажи, когда у тебя в последний раз был секс?

– На подобные вопросы не отвечаю, – буркнула обиженно.

Не признаваться же, что от отсутствия удовольствия я вовсе не страдаю? В наше время легко приобрести один небольшой гаджет, которому под силу заменить целую роту изголодавшихся солдат. Не забывай только подзаряжать вовремя да следи за гигиеной.

– Не отвечаешь, потому что вспомнить не можешь, когда в последний раз щупала живое мужицкое тело, – съязвила подруга.

– А сама-то! Лучше бы на личном примере показала, каково это – заманивать к себе в логово живые мужицкие тела!

– Да не вопрос! Как два пальца искушать! – воскликнула вредина и схватила мой телефон.

Поколдовала над экраном, удовлетворённо крикнула и в следующий миг уже поднесла телефон к уху.

– Ты что творишь? – перешла я на шёпот, с ужасом вслушиваясь в длинные гудки.

– Сейчас узнаешь, – одними губами ответила психопатка и затараторила со скоростью бешеного пулемёта: – Здравствуйте! Мы хотим оформить заказ. Да, мужчина, один. Желательно высокий подтянутый брюнет. Мускулатура приветствуется. Да, стандартный пакет услуг. Нет, ничего помимо...

Я в ужасе уставилась на эту ненормальную. Она, что, заказывает нам мужика по вызову?!

– Совсем оконтрапупела? – коброй налетела на неё и попыталась выхватить телефон.

Инка сражалась аки львица. Вскочила на ноги, пихнула меня локтем и понеслась в гостиную, где резво перемахнула через диван и закончила разговор с администратором (или кто там занимается приёмом заказов для проституттов?):

– Фото пришлите в мессенджер по этому номеру. Да, подтвердим выбор и сразу же оплатим. А можно наличными отдать в руки... эээ, исполнителю? Отлично! Записывайте адрес!

Я не успела вышибить дурь из этой маньячки, как она уже выболтала координаты моей квартиры тётке из службы доставки секса!

– Ошизела в край! – заголосила я, задыхаясь от гнева. – Живо звони и отменяй всё к чертям! Я не собираюсь кувыр-

каться с каким-то потасканным шлюхом!

– Зачем кувыркаться? Пощупаешь, пооблизываешь глазами, дашь ему себя размять, – я звонила в приличную контору, они развратом не занимаются. Предоставляют услуги массажистов.

Ведьма кружила вокруг дивана и буравила меня насмешливым взглядом. Телефон оповестил о входящем сообщении. Инка тут же залезла в мессенджер.

– Я тебя сейчас прикончу!

– Да ладно тебе, недотрога! Глянь лучше, какого красавчика тебе готова подарить лучшая подруга. М-м, айс?

Она пихнула мне в нос смачную картинку с полуголым кренделем. Сто слоёв фотошопа и три ведра глянца. Мускулы блестят жиром, рожа сальная, глаза покойника – отвратный тип.

– Что, нет? – мигом считала мою реакцию бывшая подруга. С этого дня решено: сплю её однушку, а саму придушу подушкой во сне. Больно опостытели мне её выкрутасы. – А этот?

Кареглазый шатен в скромной футболке поло с задранной воротником показался куда приятнее. Взгляд вроде живой, улыбка естественная...

– Нет! Никаких массажистов! – притопнула ногой для наглядности и сердито скрестила руки на груди, намекая, что шутки закончились. – И ты давай проваливай подобра-поздорову!

– Ха, тогда запасной вариант! – Хитрюга вынула из кармана спортивной кофты собственный мобильный, быстро нажала несколько кнопок и заработала языком, как отбойным молотком. – Максим... Владимирович! Простите за столь поздний звонок! Это Инна Александровна, воспитательница из двести восьмого сада. А-а-а, узнали! Как здорово, что я у вас записана...

Я тихонечко свалилась на диван и упала лицом в мягкий подлокотник. Эта шушара решила меня окончательно добить. Последний же гвоздь вворачивает в крышку гроба.

– Да, я по безотлагательному делу, – продолжала вещать самоубийца (*пускай только положит трубку, ей хана*). – Я тут краем уха услышала, что вы сегодня приглашали на обед мою ближайшую подругу...

Ну трындец тебе, говорунья. Не чокаясь, помянем!

– Вы знаете, она так растерялась, что с дуру брякнула «нет», хотя хотела сказать «да». Точно! Она обожает покушать, а уж в дружеской компании и подавно! Видите, как здорово, что мы друг друга понимаем! Хотите, я передам ей трубочку, и вы сами договоритесь о месте встречи? Да, мне тоже очень приятно было поболтать. Доброй ночи! И извините, если побеспокоила не вовремя.

Предательница, которая буквально секунду назад проехала на говновозе по моей репутации (*обожаю я покушать, видите ли!*), невинно подкралась ко мне и всучила сотовый. Я попыталась изобразить на лице всю гамму эмоций: от по-

желания сдохнуть в муках до безмолвного обещания еженедельно совершать акт вандализма на месте её захоронения, и с тоской проговорила в микрофон:

– Максим Владимирович, недоразумение вышло. *Подруга*, – прошипела это слово на манер матёрого ругательства, – превратно меня поняла...

– Завтра в половине первого вас устроит? – вклинился в мою пылкую речь вибрирующий баритон, и мозги поплыли. – Небольшой пикник у меня в кабинете. Вы только не подумайте, что я нарочно пытаюсь вас смутить. Простите, а как вас зовут?

– Алёна, – выдохнула с огромным трудом.

– Очень приятно познакомиться, Алёна, – судя по голосу, Максим улыбнулся, и я кожей ощутила ответную реакцию на ставшие ещё более мягкими и глубокими гласные в его голосе – волосы по всему телу пустились в пляс. – Так вот, не считите за оскорбление приглашение на обед ко мне в тренерскую. Просто у меня завтра день расписан буквально по минутам. Обещаю, что в следующий раз...

Будет продолжение? Зачем? Я завтра твёрдо намерена сбежать в Израиль. Бабушка неспроста упоминала родственников, которые там живут. Пора навестить родню!

– ... мы обязательно отобедаем в более приличном месте. Что скажете, Алёна?

Что у тебя оупенно сладкий голос.

– Пикник у вас в тренерской, – повторила глухо, а сердце

бубухало где-то в районе гортани, перекрывая доступ воздуха. – В половине первого, потому что вы очень заняты.

– Да, к сожалению, – согласился Максим. – И до конца недели ситуация вряд ли изменится. Так вы придёте? Или...

– Приду, – отозвалась эхом и вздрогнула, когда собеседник рассмеялся. Легко и непринуждённо, по-мальчишески.

– Очень рад это слышать. Скажите, что вы больше любите: рыбу, мясо или курицу?

Убивать соседок. Тупорылых и пустоголовых, которые подкладывают мне свинью размером со слона.

– Я готовлю что-нибудь для нас обоих, – поспешила заверить, а заодно завершить неловкий разговор. – До завтра, Максим Владимирович.

– Просто Максим, Алёна, – поправил он и снова улыбнулся. Наверное. Я ориентировалась на свои мурашки, которые уже добрались до живота и устроили шумное паломничество по сытым глубинам.

– Хорошо, просто Максим.

Трясущейся рукой отбила вызов, швырнула телефон в подушки и грозно выпрямилась. Не успела приступить к линчеванию, как дрянной аппарат возвестил о новом звонке. Незнакомый номер оканчивался на три семёрки.

– Фирма «Аскольд», ваш личный менеджер Вероника, – представилась девушка, и в который раз за вечер пошатнула моё самообладание. – Вы будете подтверждать заказ на индивидуальный массаж?

– Нет, не буду! – рявкнула со всей силы и добавила безжалостно: – И удалите мой номер из списка контактов! Иначе накатаю на вас жалобу в Роспотребнадзор!

Глава 4

Максим

После часа на тренажёрах и быстрого душа заскакиваю в кабинет директора спортивного комплекса. Просторный, светлый, с панорамным окном, за которым ещё темнеет запоздалое февральское утро. На столе перед нами уже лежат распечатки статистики, графики прироста учеников и черновик бизнес-плана. Директор, Виктор Ильич, в очках и строгом джемпере, листает страницы, изредка поглядывая на меня с той особой внимательностью, от которой не укрыться.

– Максим, – начинает он, откладывая бумаги, – у тебя феноменальный результат. За год плюс 180 учеников. Зал на пределе загрузки. Родители пишут отзывы, мол, «единственный тренер, кто находит подход», в очереди к тебе выстраиваются. Особенно лютуют мамыши, – подчёркивает мимоходом, а я хмыкаю. Папку с мамкой благодарить должно за смазливую рожу. – Одним словом, твоя реклама работает, молва пошла по всей области.

Ещё бы она не работала! Я прорву времени угробил на самопиар, а уж денег сколько спустил... Две приличных тачки купить можно было. Все эти листовки без счёта, подарочные наборы для ребятни ко всем мало-мальски значимым

праздникам: футболки, кепки, шарфы, кружки – всё с логотипом клуба. Полгода назад заказал ломовую партию наклеек от небольших кругляшей в качестве поощрения особо отличившихся на занятиях до больших тигриных морд, которые вполне можно клеить на задние стёкла автомобилей. Свою машину – подержанный «Ниссан» – украсил всей доступной атрибутикой. Не ради дешёвых понтов, как считают некоторые имбецилы, а ради продвижения бренда. Мой торговый знак должен стать узнаваемым, примелькаться, всегда быть на виду. И я пока успешно с этим справляюсь. Весь город увесил баннерами. На одних красуюсь самолично, на других хвастаю достижениями своих сорванцов. Имею право, знаете ли. Их кубки и медали не на три-дэ принтеры напечатаны и не с неба свалились. Это результат кропотливой работы тренера, то есть меня, и достигнутая цель моего воспитанника.

Так что в этом вопросе директор слегка не прав. Не реклама работает, а я впахиваю на износ.

– Теперь вопрос: что дальше? – поигрывает бровями директор, возвращая меня в русло разговора.

Я киваю, провожу рукой по лицу. Усталость ощущается не как тяжесть, а как постоянный фоновый шум, будто где-то вдали гудит трансформатор.

– Дальше масштабирование, – говорю. – Но в одиночку я уже не вывожу. Расписание, как пазл, где куски не сходятся. Утром – малыши, днём – подростки, вечером – взрослые. В

промежутках – звонки, переписки, отчёты. А ещё соревнования, подготовка команд...

Виктор Ильич улыбается:

– То-то я заметил: глаза горят, а плечи чуть опущены. Ты как спортсмен на третьем круге – силы есть, но тактика требует коррекции. Давай обсудим по пунктам, – предлагает он, доставая блокнот. – Первый сценарий: набираешь команду тренеров. Обучаешь, делегируешь группы, остаёшься куратором. Второй: открываешь филиалы в отдалённых районах. Там спрос есть, но нет качественных секций. Третий: гибридный – часть групп передаёшь, часть ведёшь сам, плюс контролируешь новые точки.

Я задумываюсь. В голове калейдоскоп образов: лица детей, которые впервые сделали бросок; родители, требующие индивидуального подхода; взрослые ученики, ищущие в панкратионе не только технику, но и смысл.

– Мне ближе гибридный, – отвечаю. – Хочу сохранить личный контакт с ключевыми группами. Например, с теми, кто идёт на соревнования. Но для массового набора нужны люди. Только как их найти? Чтобы не просто «тренер по найму», а с огнём в глазах?

– Огонь – это ты сам зажжёшь, тут даже не сомневаюсь, – парирует Виктор Ильич. – Твоя задача на данном этапе: построить чёткую систему. Назови критерии, предъявляемые к тренерскому составу, с которым в будущем будешь работать: образование, опыт, психология. Мы проведём отбор, обуче-

ние, стажировку. А ты займёшься главным, возьмёшь на себя менторство.

Я смотрю в окно, вижу огни фонарей, силуэты прохожих. Вспоминаю вчерашние тренировки: как четырёхлетний Артём, запинаясь, рассказывал, что «научил папу делать захват», а шестнадцатилетний Илья после спарринга признался: «Раньше я дрался на улице. Теперь понимаю, что сила в контроле. Это вы мне мозги вправили, Макс Владимирович».

– Боюсь, что при расширении потеряется душа, – говорю тихо. – Сейчас каждый ребёнок – не цифра, это огонёк, который я разжёл вот этими вот руками. Каждый родитель – не клиент, а партнёр. Как сохранить это, когда будет десять залов и пятьдесят тренеров?

Виктор Ильич откладывает ручку:

– Ты не потеряешь душу. Ты её передашь. Как передают огонь от свечи к свече. Главное, не пытаться гореть за всех. Запомни для себя, что ты катализатор, а не батарейка.

Снова начинают обуревать сомнения. В голове есть чёткий план, как достичь поставленных целей. Там же намётки и более грандиозных идей. На задворках болтаются совсем уж идиллические мечтания о том, чем занять молодёжь нашего города, как популяризировать спорт – для этого я подался в чёртову Думу.

Только всё стопорится. Стремления, чаяния, надежды – всё упирается во время, которого мне катастрофически не

хватает. Если сейчас зайдёт разговор о личной жизни, боюсь, я реально всплакну, потому как этого страшного явления в моей реальности попросту нет.

Какая девушка согласится встречаться с мужиком, помещённым на работе?

И ответ приходит из этих грустных размышлений. Пора делегировать полномочия, распределять обязанности между членами команды. Чувствую, как внутри что-то сдвигается. Не облегчение настигает, а внутри выстраивается новый вектор, изломанная кривая, по которой я намереваюсь прорываться в своё светлое и безоблачное будущее.

– Ладно, – говорю, сжимая край стола. – Начнём с отбора тренеров. Нужен человек на младшие группы, с педагогическим образованием и опытом в детской психологии, идеально подойдёт инструктор по физдо из детского сада или хотя бы школьный физрук. Опыт работы не менее пяти лет, дилетантов я к своим детям не подпущу. Ещё понадобится специалист по функциональной подготовке для взрослых. Тут достаточно простого тренерского опыта. Я давненько поглядываю на Ягудина, знаете ли. И... может, стоит провести открытый урок в том новом ЖК на окраине? Там много молодых семей, – озаряет меня внезапно, и мысли задают круговерть всем отделам мозга.

Виктор Ильич кивает, делая пометку в блокноте:

– Завтра разошлю вакансии. А ты подготовь презентацию для потенциальных партнёров. И, Макс, не забывай отды-

хоть. Ты не машина.

Я улыбаюсь. «Не машина», – звучит непривычно. Но, кажется, впервые за год я чувствую не усталость, а азарт. Будто впереди не пропасть, а трамплин.

Выхожу из кабинета. В телефоне 12 сообщений: родители спрашивают про расписание, ученики – про турнир, жена брата напоминает про день рождения мамы. Быстро вношу коррективы в расписание на следующую неделю и замечаю ещё несколько посланий от контакта «Алёна гимназия».

Её номер я требовал с воспитательницы из партнёрского сада ещё вчера ночью и отметилсЯ дежурной смс: *«Доброй ночи, Алёна. Макс»*.

Алёна: Максим, вам нравятся паровые котлеты? А овощи лучше сырыми или тоже приготовить на пару?

Алёна: Признаюсь заранее, что не сильна в приготовлении ПП-продуктов. Быть может, вы скажете, что больше всего любите есть на обед?

Алёна: Желательно прислать ссылку на рецепт, а то я такого начиталась...

Алёна: Извините, что отвлекаю с утра пораньше.

Предпоследнее сообщение содержит смайлик с грустными глазами, а под ним ещё одно.

Алёна: Я случайно грустинку нажала! Простите!

Набираю ответ с дикой улыбкой в половину физиономии.

Максим: Я не заморачиваюсь на тему правильного пита-

ния. Некогда. Стараюсь есть сбалансированно по возможности. Но мне безумно приятно, что вы так воодушевились идеей совместного обеда. Жду вас в 12:30, Алёна. На вахте предупредил, что вы зайдёте. Вас проводят.

Мозг лихорадочно изобретает, чем бы ещё разбавить нашу переписку, в то время как бешеный ритм уже хватает за грудки. Чёрт, сейчас же занятия с бойцами из начальной школы!

К обеду успеваю принять душ и переодеться в чистую рубашку. Она слегка мятая от долгого висения в шкафу, но не встречать же девушку в борцовке со свистком на груди – не комильфо. Свой стол я освободил спозаранку, жалюзи открыл, чтобы впустить в кабинет скупые лучи февральского солнца. Теперь расхаживаю вдоль окна с руками, собранными в замок за спиной, и отсчитываю секунды.

Стук в дверь бьёт по нервам. Я почему-то сбиваюсь с дыхания и склоняюсь к выводу, что становлюсь поганой истеричкой.

Твёрдым голосом приглашаю посетительницу, но входит вовсе не ясноглазая Алёнушка из соседней гимназии, а грузная Тамара Ивановна, вахтёрша. Широкой улыбкой освещает себе путь и торжественно кладёт на стол пакет с чем-то.

– Э-э? – туплю.

– Это вам просили передать. Девушка. Хорошенькая такая, но уж больно пугливая. Я её в лоб спросила, вы, мол,

Алёна, а она икнула, пакет мне всучила, просипела, чтобы Максиму Владимировичу передала...

Срываюсь с места в ту же секунду, сбегая по обледеневшим ступенькам лестницы. Кроссовки разъезжаются на утрамбованном снегу. Дорога прекрасно просматривается в обе стороны. Мне даже наглухо запертые ворота гимназии отсюда видны и калитка с магнитным замком. И никого. Моя стеснительная училка испарилась бесследно. Вот же бл... до-сада.

Пока распаковываю контейнеры с запечённым лососем, стейком из говядины и овощами, приготовленными на пару с заправкой из ароматного соуса, слюна так и брызжет в разные стороны. Вид у кушаний просто великолепный, запахом впору попытаться зажравшихся эстетов. Машинально облизываю пальцы, с грустью понимаю, что у меня в кабинете нет приборов, и, плевав на все правила приличия, хватаю шмат говядьей вырезки рукой и вонзаю зубы в хрустящую корочку.

Может, и хорошо, что Алёнка сбежала. Знай я наперёд, какими кулинарными талантами она обладает, условились бы отобедать лапшой быстрого приготовления. Негоже ведь стонать и почавкивать от удовольствия на первом свидании с девушкой, а я безобразно смаковал её гастрономические изыски и в полную силу повизгивал. Хочу эту миленькую поваришу в безраздельное пользование. И пофиг, что раскабанею. Этот желудочный оргазм того стоит.

Пагубная сытость спеленала мозг, поэтому следующее

действие я выполняю без раздумий. Откидываюсь в кресле, задираю рубашку и щёлкаю кнопкой камеры. Снимок с набитой утробой, спрятанной под кубиками пресса отправляется к талантливой кухарке с припиской: *«Готовишь ты просто бомбически. Жаль, пренебрегла моим обществом. С меня причитается»* и добиваю трюсику смайликом с глазами-сердечками.

Двоякость фотографии не терзает меня до позднего вечера. Я же не мускулами хвалился, а выражал искреннюю благодарность за сытный обед и не менее вкусный ужин, который мы отпраздновали на пару с куском запечённого лосося.

Попытка отправить пожелание доброй ночи подсказывает, что Алёнушка окончательно во мне разочаровалась. Сообщение не уходит. Система оповещает, что получатель изменил настройки приватности.

По ходу, меня определили в чёрный список. Допрыгался, Макс.

Падаю усталой рожей в подушку, слепо тычу пальцем в кнопку и подношу телефон к уху. Спустя пару световых лет длинные гудки сменяются дрожащим: «Алло», и меня окутывает радостью.

– Попалась, маленькая, – выдаю полусонно. И дальше всё разыгрывается как по нотам.

Глава 5

Алёна

Телефон заливался трелью. Мелодия входящего вызова успокаивала. У меня на звонке стоит главная тема сериала «Мир дикого запада».

Пока на экране светилось имя Максима Владимировича, я стремительно соображала, как поступить. Логичнее было бы проигнорировать его желание поболтать, тем более после обеденной выходки.

Меня всё ещё потряхивало от того снимка. Фото запечатлело выразительный крупный план: рубашка нарочито задрана, открывая вид на подтянутый торс; ровный, без намёка на лишнее, живот очерчен сдержанной игрой света и тени, под кожей угадываются упругие линии мышц. В центре аккуратный пупок, от которого, словно тайный путь, тянется тонкая полоска тёмных волос, неспешно исчезающая за широкой резинкой не то шорт, не то тренировочных штанов. Вишенкой на торте, придающей образу живую, почти дерзкую естественность, служил фрагмент татуировки. Напоминало изогнутый хвост скорпиона, или же цепочку от какого-то механизма. Верх картинки прятался под рубашкой.

Так могла бы охарактеризовать его выходку сейчас, когда эмоции слегка улеглись и дикий приток крови к щекам успо-

коился. А в первые часы меня знобило, потряхивало и перекручивало в жерновах очень низменного желания.

Кто вообще шлёт подобные снимки девушкам, притом абсолютно незнакомым? Правильно! Больные на голову извращенцы! Вот уж никогда бы не подумала, что Максим Владимирович относится к их числу.

Едва отойдя от шока, я моментально заблокировала содомита всюду. Испугалась, что ему снова захочется травмировать мою детскую психику провокационными снимками. Даже грешным делом подумала, что в следующий раз он додумается прислать мне натуралистичный портрет своего... кхм, *приятеля*. А такого сценария допустить никак нельзя. Я не большой ценитель писюнов.

Спустя час я, изнывая от чувства вины, вернула настройки приватности на прежнее место. Мне вдруг подумалось, что Максим Владимирович мог прислать ландшафт своего života случайно. Скажем, пытался щёлкнуть пустой контейнер из-под стейка, камера по ошибке переключилась на фронтальную и произошёл небольшой конфуз. С кем не бывает, правда?

Только внутренний голосок подсказывал, будто никакой ошибки не было. Максим прислал именно то, что прогрузилось на моём экране. Зачем? Почему?

Так что его вызов я приняла. Исключительно ради озвучения этих двух вопросов.

– Попалась, маленькая, – странным голосом приветство-

вал он, и у меня закрались сомнения по поводу его состояния. Он не мертвецки пьян, случаем?

– Здравствуйте, – ответила настороженно, а в динамике возня, кряхтение, звуки какие-то посторонние. Затем всё стихло. Очень подозрительно.

– Ты на меня обиделась за фото? – спросил он глухо, или это связь барахлила?

– Я? Нет, что вы...

– Обиделась, – заключил с уверенностью и... простонал? Или зевнул?

С удивлением глянула на часы, 21:45. Довольно раннее время для сна.

– Извини, Алён, я без всякой задней мысли отправил тот снимок. Голова вечно забита работой. Хотел просто поблагодарить за изумительно вкусный обед, а вышло по-дурацки.

Меня баюкал его тембр. Глубокий, грудной, с чёткими согласными и переливчатыми гласными. Песня, а не голос. Он вызывал улыбку и науськивал устроиться поудобнее, прижать телефон к уху и расслабиться. Как массаж, но не терапевтический. Релаксационный.

– Да я не придавала этому значения, – отмахнулась с лёгкостью.

– Тогда почему я в чёрном списке?

– Эм-м, правда? Наверное, случайно не туда нажала.

– А ещё случайно перепутала моё приглашение на совместный обед с просьбой накормить меня до отвала, – он

невесело рассмеялся в конце, и я опять заслушалась.

– Нет, я ничего не путала. Просто появились безотлагательные дела, – отчаянно попыталась выкрутиться. – Середина самой длинной четверти, годовая отчётность... Вы ведь тоже педагог, не хуже меня знаете нашу систему.

– Знаю, и на первый раз готов поверить. Тем более что ты заставила меня чувствовать себя твоим должником. А я не люблю быть кому-то обязанным, понимаешь?

– Не очень, если честно.

– Тогда без обиняков. Сходим завтра куда-нибудь? В кафе, на прогулку или в кино – выбор за тобой.

– Зачем?

– Узнать друг друга лучше.

– А зачем вам это?

– Неужели я не могу пригласить в кафе или на прогулку девушку, которая мне искренне понравилась? При условии, что мы оба свободны и в этот вечер, и по жизни.

– Можете, конечно. Только зачем вам я, Максим Владимирович?

Послышался долгий протяжный вздох.

– Потому что ты мне понравилась, Алёна. Очень.

Бред сивой кобылы. Мужчинам вроде него априори нравятся совершенно другие девушки. Фитоняшки, стервозные Барби, ухоженные фифочки, какие-нибудь королевы красоты.

Колючки включились сами собой.

– Извините, но я вынуждена отказаться, – молвила с достоинством и завершила разговор.

Поставила телефон на беззвучный, поразмыслила над всем услышанным, быстро удалила номер тренера из списка заблокированных контактов в мессенджере, чтобы не попасться на очевидной лжи, и с гулко бьющимся пульсом открыла последнее присланное сообщение.

Максим: Ты не оставляешь мне выбора

Алёна: Наоборот. Пригласите другую. Уверена, в городе найдётся немало одиноких и красивых девушек, согласных убить ради...

Удалила неудачный текст и зашвырнула телефон подалые. И что он ко мне привязался?!

Утро началось в начале седьмого. За окном ещё темно, февральский Иркутск кутался в морозную дымку. Я заварила крепкий чай, просмотрела план на день: линейка, совещание с классными руководителями, подготовка к конкурсу чтецов, встреча с родительским комитетом. В голове уже крутились списки дел, как шестерёнки в часах.

В гимназию пришла за полчаса до начала занятий. В холле царило оживление: дети снимали пуховики, переговаривались, смеялись. Запах горячего какао из столовой смешивался с морозным воздухом, просочившимся сквозь приоткрытую дверь.

– Доброе утро, Елена Викторовна! – окликнула меня Лиза из 8-го «Б», размахивая тетрадиями. – А сегодня будет репетиция?

– Конечно, – улыбнулась я. – После четвёртого урока в актовом зале. Напомни, пожалуйста, ребятам из своего звена.

На линейке я кратко обозначила планы на неделю: конкурс чтецов ко Дню защитника Отечества, волонёрская акция «Тёплый дом» для приюта животных, подготовка к Масленице. Директор добавила пару слов о дисциплине – в последнее время участились мелкие конфликты между старшеклассниками.

На большой перемене успела провести совещание с классными руководителями. В кабинете царил полумрак из-за хмари за окном, но я специально не стала включать свет: рассеянный синевато-розовый небосклон создавал менее формальную атмосферу.

Начали с обсуждения вопроса на злобу дня: низкий уровень активности старшеклассников в общественной жизни гимназии.

– Проблема в том, что ребята не понимают, зачем им эти мероприятия, – вздохнула Анна Петровна, учительница истории. – Для них это «обязаловка».

– А давайте сделаем акцент на выборе, – предложила я. – Пусть каждый класс предложит одно событие, которое им действительно интересно. Мы поможем с организацией, но инициатива должна исходить от них.

– И как это оформить? – скептически приподнял бровь Сергей Иванович, физрук.

– Создадим «банк идей»: доска в холле, онлайн-форма, скажем, идеально подойдет небольшой опросник, созданный на базе Яндекса. Потом проведём голосование. Так у детей появится ощущение причастности.

Анна Петровна кивнула, делая пометку в телефоне:

– Ладно, попробуем. Но предупреждаю: если это превратится в хаос...

– Не превратится, – заверила я. – Мы будем курировать каждый этап.

Следующий час ушёл на подготовку к конкурсу чтецов. Я разложила тексты, проверила микрофоны, составила расписание выступлений. В актовый зал заглянула Янина из 10-го «А», бледная, с дрожащими руками.

– Елена Викторовна, я не могу. Текст вылетает из головы, – прошептала она.

– Давай сделаем так: прочитай мне одну строфу, только мне. Как будто мы просто разговариваем.

Она глубоко вздохнула и начала. Голос звучал неуверенно, но с каждым словом становился твёрже.

– Видишь? Ты уже на полпути к победе. А теперь представь, что ты рассказываешь это своей лучшей подруге.

Яна улыбнулась:

– Получается...

– Вот и отлично. После уроков потренируемся ещё.

В обед забежала в столовую, чтобы наспех перекусить. За соседним столиком шумно обсуждали городские соревнования по ММА среди подростков 15–17 лет. Стайка старшеклассников заборчиком выстроилась вокруг стола, их голоса перекрывали гул переполненного буфета.

– Слышь, пацаны, в эту субботу мерилово будет, не пропустите! – размахивал руками Артемий из 10-го «Б». – Говорят, парни из «Титана» жёсткие, на прошлой сходке один в первом раунде аж троих наших «тигров» положил! Ну это вообще капец, да?

– Да ладно тебе, заливаешь, – хмыкнул Денис. – Наши тоже не тик-током мазанные. Вон Савка из 9-го «А» на тренировках таких люлей навешивает, просто улет! В прошлом месяце одного так скрутил, тот аж взвизгнул.

– А Макс Владимирович сказал, что после соревнований пройдёт отбор в сборную города, – вставила Есения. – Если хорошо выступишь, Тём, тебя возьмут! Это же реально шанс!

– Ну да, ну да, – протянула её подруга Злата с ухмылкой. – Тебе-то чего волноваться? Ты ж только на Макса Владимировича и зыришь, наверняка он тебя по блату пропихнёт на область.

Еська вспыхнула, но не отступила:

– Да ну тебя, Злат! Он крутой тренер, чё ты... Реально знает, как ребят замотивировать. Не просто орёт «давай-давай», а по делу всё объясняет. И стиль у него – закачаешься!

Движения чёткие, сам держится как король ринга.

Парни загоготали, повторяя на разные лады: «Кинг ринг».

– Стиль, ага, – фыркнула Злата. – Ему же тридцаник, не меньше! Старпёрище он, Еська. Ты б ещё на зама дирёбы запала.

– Да при чём тут возраст?! – вскинулась Еся. – Он же не просто тренер, он... ну, понимаешь, харизма у него! И держит себя так, будто весь мир ему по плечу. Когда он говорит, все затихают. Это же не каждый может!

– Харизма, ха-ха, – передразнила Злата. – Ты ещё про рефрен вспомни. Он просто мужик, который умеет хорошенько в торец двинуть. И всё. Ну, может, ещё шутки юмора молчит – и то через раз.

– Не всё! – не сдавалась Есения. – Он же с нами возится, объясняет, подбадривает. Не каждый так будет. Вон, другие тренеры только на секундомер смотрят, а он – нет. Реально по полной выкладывается.

– Ой, да ладно, – махнула рукой Злата. – Ты просто в него вкрашилась, и всё. Признайся уже, хоть это и писец кринжово.

– Ни в кого я не вкрашилась, ясно?! – покраснела Есения. – Просто уважаю его! Он реально крутой. И не надо тут из меня фанатку делать.

Денис, слушая их перепалку, рассмеялся:

– Бабоньки, это базовый минимум, – манерно протянул он, и все выпали в осадок. Отсмеявшись, паренёк продол-

жил: – Вы лучше про субботний махач думайте. А то пока вы тут выясняете, кто чей краш, наши соперники уже разминку делают. Того гляди обеих по матам размажут. Не, ну серьёзно, у «Титана», что бабы, что мужики жёсткие, надо быть в тонусе.

– Да-да, – подхватил Артемий. – В субботу посмотрим, кто круче. Я на наших ставлю! Вперёд, «Тайгер Тим», уху! Кто не с нами, тот днище очковое!

Еся бросила на него взгляд, полный упрямства:

– И Макс Владимирович будет смотреть. Так что надо выложиться по полной. Чтоб не стыдно было, всекаешь?

Злата закатила глаза:

– Ну всё, понеслось... Ладно, боёвка, давай тогда докажи, что не только языком чесать умеешь. Выжми из себя по **максимуму**, как твой «не крашистый кумир».

Еська лишь усмехнулась, поправила рюкзак и пробормотала себе под нос:

– Я не подведу.

Аппетит пропал напрочь. Что-то подозрительно много в моей жизни стало Максима Владимировича. В мыслях он, в случайных разговорах – тоже. Когда несолоно хлебавши вернулась за свой стол в приёмной директора, улыбчивая секретарша Санечка вручила мне огромную, размером с перwokлассника коробку с прозрачным смотровым окошком на верхней крышке.

– Это тебе курьер передал, Ленок, – с радостью возвестила

коллега.

Наихудшие опасения подтвердились. Внутри оказался роскошный букет из тёмно-бордовых пионов, белоснежных орхидей и веток эвкалипта, уложенный на шёлковую подкладку – дорогой, изысканный жест, в котором каждая деталь вопила о... О чём, хотелось бы узнать?! Что я глянулась тренеру? Самому завидному холостяку в городе?

– Ленусь, а это от кого? Неужто у тебя поклонник появился? Кто он? – тут же начала допрос Сашенька.

Я водрузила невообразимо яркий презент на подоконник, приподняла крышку, вдохнула душистый запах цветов, кончиками пальцев поддела карточку, что красовалась в центре композиции, и стыдливо спрятала в карман.

– Да так, знак внимания от выпускников.

– Разве ты когда-нибудь брала классное руководство?

– Да, давненько, ещё до того, как ты к нам устроилась.

– Кру-у-уто, – присвистнула секретарь и уткнулась в монитор, но нет-нет да оглядывалась назад и облизывалась на коробушку.

А я всё же улучила момент и прочла рукописное послание:

«Для той, кто умеет вкладывать душу в обыденные вещи. Пусть этот букет скрасит твой день, Алёна. Предложение насчёт кафе-прогулки-кино всё ещё в силе, я ведь получу твоё «да»? Макс»

Прохиндей! Я мысленно ударила ладонью по столу и, пока не включился мозг, а вместе с ним и паническая сигнали-

зация, набрала ответ.

Алёна: Согласна на прогулку

Алёна: И огромное спасибо за цветы, они великолепны

Максим: В 19:30 встречаемся у колеса обозрения на острове Юности. Узнаешь меня по мегаваттной улыбке

Алёна: Ок

 *Вы точно не забыли
поставить звёздочку истории? Здорово, спасибо #####*
Тогда листайте дальше!

Глава 6

Максим

Ненавижу опаздывать, только повлиять на скорость движения потока всё равно не могу. Байкальский проспект в этот час попросту стоит. От светофора к светофору передвигаемся черепашьям шагом. На Академическом мосту удаётся нагнать пару минут. Путь до колеса обозрения преодолеваю рысцой. На бегу сверяюсь с часами и позволяю себе выдохнуть. Всего на пять минут припозднился, фух. Надеюсь, Алёна не из тех девушек, что отличаются пунктуальностью.

А-а-а нет, из тех. Замечаю её, одиноко стоящую неподалёку от билетного киоска. Чёрная фигура резко выделяется на фоне разноцветных огней аттракциона. Она стоит ко мне спиной. Голова в миленькой вязанной шапке с помпоном задрана к небу, будто высматривает самую верхнюю кабинку. Алёна закутана в тёмный пуховик, шею обвивает многослойный шарф. На ногах – унты из натурального меха. Она не смотрится вызывающе или кокетливо, скорее практично, и мне это очень импонирует.

Тридцатиградусный мороз совсем не располагает к степенным прогулкам, так что я радуюсь, что моя спутница тепло одета. В отличие от меня.

Подхожу ближе и дружелюбно кладу руку ей на талию.

– Привет.

Она дёргается, резко поворачивает ко мне лицо, и выразительные глаза, которые приметил ещё накануне, круглеют.

– Здравствуйте, – выдаёт вместе с густым облачком пара.

– Прости, что заставил ждать. Пора пересаживаться на дельтаплан. Движение возле политеха просто колом стоит.

Она кивает, выруливает на дорожку и припускает вперёд, что меня малость сбивает с толку. Мы что, правда, будем гулять? В мороз? По продуваемому всеми ветрами острову?

Нагоняю спринтершу довольно быстро. Предлагаю взяться за свой локоть – игнорирует. Настойчиво ударяюсь ладонью о её руку в мохнатой рукавице – не замечает. Бодро шагает вперёд и смотрит в основном себе под ноги. Вау.

С разговорами дела обстоят не лучше. Мой выжатый за день мозг отчаянно стопорится, и я никак не могу подобрать тему, которой сумел бы всколыхнуть её интерес.

– Как прошёл твой день? – Банальщина, знаю. Только на мне нет шапки, и уши потихоньку сворачиваются в трубочку.

– Продуктивно, – следует лаконичный ответ. – Справилась со всеми намеченными задачами. А у вас?

– Мы вполне можем перейти на «ты», как считаешь? После того как свёл знакомство с твоими кулинарными талантами, невольно чувствую себя чуточку ближе.

– Я больше десяти лет в педагогике, манера обращаться к людям на «вы» и по имени-отчеству у меня уже на уровне безусловного рефлекса, Максим Владимирович.

В который раз подмечаю, что она не допускает этой раздражающей паузы после моего имени. Мысли формулирует чётко, быстро и... неохотно, что задевает за живое.

– Мне тоже следует откатить назад и поинтересоваться твоим отчеством?

С грустью замечаю, что мы уже обошли все волейбольные площадки и неуклонно движемся к краю острова. Скорость перемещения растёт, а вот градус беседы понижается пропорционально температуре воздуха.

– Я Елена Викторовна, если что. И ваша фамильярность меня ничуть не коробит.

– Тебе больше идёт быть Алёной. Очень тёплое имя, как и ты сама.

Она внезапно останавливается, смотрит на меня пристально. Скользит придирчивым взглядом по взлохмаченным волосам, минует глаза и губы, задерживается на секунду на шее, затем ведёт им по джинсовой куртке, подбитой искусственным мехом, и останавливается на кроссовках. Зимних, между прочим, с чем вряд ли согласятся мои поджатые от холода пальцы на ногах.

– Вы замёрзли, – утверждает с беспокойством.

– Есть немного, а ты?

– Давайте перенесём прогулку на более подходящий день.

– А лучше в более тёплое место. Как насчёт вон того кафе? – машу рукой в сторону берега и пытаюсь изобразить одеревеневшими лицевыми мышцами подобие чарующей улыбки.

Кривляюсь напрасно. Алёнушка на меня не смотрит. Вздрагивает от идеи очутиться со мной за одним столиком с глазу на глаз и нервно покусывает изнутри щёку.

Зашуганная она какая-то. Чудаковатая, чем разжигает неподдельный интерес.

– Пойдём, угощу банановым рафом, а взамен ты поделишься фирменным рецептом своего стейка.

Что-то из этого срabатывает. То ли Алёна сладкоежка и соблазняется приторным напитком, то ли мечтает передать кулинарный опыт – неважно. Воодушевляет уже то, что она берётся за мою руку и позволяет жулькать варешку на пути к ярким огням неоновой вывески.

Нас с порога встречают гул разговоров, звон посуды и соблазнительные запахи с открытой кухни – там, за стеклянным барьером, повара в белоснежных колпаках ловко орудуют ножами и лопатками.

Алёна разглядывает нарочитую роскошь интерьера: тёмное дерево, медные светильники, диваны с бархатной обивкой, свечи в низких гранёных подставках на столах, и ощутимо деревенеет. Наверняка пугается здешних цен. Буквально вижу, как настраивает себя на одну единственную кружку чая и три корочки хлеба.

Мы устраиваемся в углу, хотя в центре полно свободных мест. Я начинаю догадываться, что моей спутнице нравится прятаться. Она этакий хамелеон в стадии постоянной мимикрии. Неброский макияж, невыразительная одежда: на

ней подобие вязаного сарафана длиной почти до пят и наглухо застёгнутая синяя блузка. Из украшений лишь серьги. Волосы собраны в толстую косу.

Ловлю себя на мысли, что примеряюсь к этому блестящему чёрному жгуту, лежащему у неё на плече, подсчитываю в уме, сколько раз смогу обмотать им кулак. Непроизвольно скольжу взглядом к её губам, чем окончательно смущаю девушку. Она прячется от меня за папкой с меню и густо краснеет.

– Ты голодна?

Ответ знаю заранее. У неё на всё одна заготовка.

– Нет, выпью только чай. А вы?

А я с подросткового возраста не бывал на таких нервных свиданиях. И пару лет на свиданиях в принципе. Поэтому малость подрастерял навык оболыщения. Скатился до уровня посредственного пикапа: две ужимки и прыжок в кровать. Чую нутром, с Алёной подобная схема не сработает. Взглядов она чурается, улыбки проходят мимо, потому что она дико боится на меня посмотреть. Зато слушает внимательно. Этим, пожалуй, и воспользуюсь.

– А я за день нагулял зверский аппетит.

Так что диктую официантке ломовой заказ: закуски, салаты, горячее и компот. Вернее, вместо узвара выбираю три вида авторского чая (ягодный фреш, пряный отвар из сибирских трав и фруктовое настроение). Втайне надеюсь, что какое-то из зелий расколдует мою несмеяну, и нам удастся хо-

тя бы перейти ко взаимной фамилльярности.

В ожидании первого блюда приступаю к прощупыванию почвы.

– Хочу больше узнать о твоей работе. Чем конкретно занимается советник директора по воспитательной работе?

Меню у нас забрали, на столе лежат только приборы, и Алёна принимается терзать пальцами тканевую салфетку. Обращаю внимание на аккуратные ногти и гладкую кожу рук. Хочется опробовать её на мягкость губами.

– На мне планирование и организация мероприятий в основном. Поддержка детских инициатив. Курирование образовательного процесса. – Она слышит, как я двигаюсь, и вскидывает голову, чтобы убедиться, что я всего лишь устраиваюсь поудобнее, а не тянусь к ней через стол, чтобы сгрести в охапку.

Я не прочь понежить её в объятиях. Такую неприступную, внешне холодную и излишне строгую. Внутренний голос подсказывает, что под этим платьем-свитером она очень даже горячая, живая, бойкая. Её выдают глаза и те взгляды, которые она мельком бросает на мои руки, предплечья и шею. Всякий раз, когда чувствую её интерес, невольно сглаживаю, а она с замиранием следит за движением кадыка и краснеет.

Не помню, когда в последний раз сталкивался со зрелой женщиной, способной так очаровательно смущаться. У Алёны от природы очень тонкая и светлая кожа, что в сочетании

с пламенным румянцем и угольно-черными волосами даёт обалденный контраст. Она напоминает Белоснежку, а я отчаянно стремлюсь занять подле неё место всех семи гномов.

– Ещё я веду уроки по ОРКСЭ у четвертых классов, – добавляет она, пока я вспоминаю имена гномов. Был ли среди них озабоченный Пошляк, постоянно норовивший заглянуть Белоснежке под юбку? Вряд ли. Это же детская сказка.

– Орк... как там дальше?

– ОРКСЭ – это основы религиозных культур и светской этики, – поясняет Алёна и благодарит официантку за принесенный чай. Судя по запаху, нас решили первым делом побаловать травяным сбором. Пахнет бабушкиной микстурой от кашля. – Я закончила иркутский гос по специальности религиоведение.

– А я учился в нашем педу. – Разливаю напоминающий валерьянку напиток по чашкам и с удовольствием вижу, как она отпивает добрую половину. Авось расслабится, наконец. – Я имею в виду второе образование. Первое у меня в области туризма. Так о чем твои уроки?

– Изучаем православие, буддизм, исламскую и иудейскую культуры, роль религий в истории России. Традиции и обычаи разных народов.

– Не слишком ли ранний возраст для столь масштабных изысканий?

– Мы с детьми не углубляемся в тонкости. Мой курс носит культурологический, а не религиозно-миссионерский харак-

тер. Например, по согласованию с семьями учеников я могу дать им углублённый материал по какой-то определённой теме или вовсе отказаться от изучения той или иной религии, если среди родителей есть ярые атеисты.

Нас снова прерывают. Официантка расставляет на столе закуски и салаты, только Алёна словно не замечает. Скупые слова сменяет водопад откровенности.

– Знаете, когда я только начинала вести ОРКСЭ в четвёртом классе, внутри всё сжималось от тревоги. Ну как они воспримут эти концептуально непростые темы: о добре и зле, о традициях, о разных культурах? Дети ведь такие прямолинейные, порой резкие... А вдруг им будет скучно? Вдруг не уловят сущностные смыслы?

Но уже через пару уроков я буквально выдохнула с облегчением и с восторгом. Потому что четвёртый класс – это же кладёзь аутентичности! Они не играют, не притворяются, они проживают каждый момент в режиме подлинной эмпатии. И если им интересно, то глаза горят, если непонятно – задают вопросы, если тронуло – не скрывают эмоций.

Помню, разбирали мы тему «Добро и зло». Я спросила: «Как можно проявить доброту сегодня, не выходя из школы?» И тут с задней парты летит звонкий голос: «Можно шоколадкой поделиться!» Весь класс захохотал, а потом вдруг замолчал, и ребята начали аргументировано дискутировать. И знаете, к чему мы пришли, Максим? Что даже такая кажущаяся тривиальность, повторённая многими, делает школу

теплее. Вот это и есть феномен детского мировосприятия: от шутки к глубинному осмыслению за одну минуту. Уверена, что у вас тоже полно историй подобного рода. Вы ведь любите детей?

От отчества мы избавились, браво. Осталось распрощаться с дрянной манерой «выкать», так что выкручиваю рычажки харизматичности на максимум.

– Люблю? Да я без них уже не могу! – смеюсь от души и с аппетитом проглатываю какой-то крошечный бутерброд с каперсами и бело-розовой пастой со вкусом рыбы. – Серьёзно. Когда утром иду на тренировку и вижу, как они бегут навстречу – глаза горят, кулаки сжаты, каждый размахивает своей мечтой, как стягом... Вот тогда понимаю: это моё.

– Но ведь с детьми непросто. Особенно с разными возрастными. – Алёна хватает вилку и запускает её в салат. Жуёт без всякой манерности. Глаза разгораются азартом. – От четырёх до восемнадцати (*кое-кто явно проводил изыскания на мой счёт, и это одухотворяет*) – это же два разных мира.

– В этом-то вся прелесть! – отвечаю энергично. – С малышами работаешь как с чистым листом. Они верят каждому слову, ловят твои взгляды, пытаются повторить всё в точности, впитывают как губки. И когда у четырехлетки, наконец, получается правильный захват, он сияет так, будто олимпийскую медаль взял! А подростки... – задумываюсь, как облечь ощущения в слова, – это уже личности. С ними надо не просто командовать, надо слушать, понимать, иногда даже от-

ступить, чтобы они сами нашли решение. Вот вчера мальчишка, лет тринадцати, подошёл после тренировки. Тихо так говорит: «Макс Владимирович, я вчера в школе заступился за малыша. Потому что вы говорили: сила нужна для защиты». И у меня, – прикладывая руку к груди, – вот тут всё перевернулось. Понимаешь, Алён? Это не про спорт уже. Это про людей. Про нравственность и воспитание. Меня прямо распёрло изнутри от отцовской, вернее, тренерской гордости.

– Наставнической, – поправляет она и впервые за вечер открыто смотрит в глаза. Улыбается. – Ты их идол, их кумир, их образец для подражания. Тяжёлая ноша, так что готовься в будущем во всём оставаться подчёркнуто идеальным.

– А сейчас я идеальный, как по-твоему? – кокетничаю, как какая-то восьмиклассница, но наступить на горло этому плюгавому гному по имени Позёр не могу. Меня выворачивает от её восхищения, и то как стремительно мы переходим на «ты» наполняет эйфорией. Хочу форсировать события дальше, а к концу ужина слопать на десерт её губы под сладким соусом из робкого стога.

Она промакивает рот салфеткой, подаётся чуть вперёд и смело ласкает моё лицо взглядом.

– Ты на пути к этому, но давай не будем складывать лапки раньше времени. Расскажи мне о своей семье.

Огонёк надежды перерастает в стойкую уверенность. Чую, этим вечером налопаюсь сладкого до отвала. Ещё бы

подобраться к сочным «дынькам» под слоями шерсти. Заранее предвижу, что там ждёт много всего мягкого, упругого и очень аппетитного.

Чёрт, как же я оголодал! Точнее не я, а гном по прозвищу Похабник.

Глава 7

Алёна

Меня удивляет этот вечер. Ни на что особо не рассчитывала, когда соглашалась на встречу с Максимом Владимировичем. Честно говоря, ждала в качестве собеседника копию Кузи из сериала «Универ»: спортивного, накаченного и пустоголового. А получила абсолютный антипод: яркого, остроумного и божественно красивого тренера с задатками знатока тонкой детской психологии.

Не уловила момент, когда место привычной собранности и отчуждённости заняла расслабленность. Но последние два часа мы болтали без умолку. Я даже забыла о первом правиле толстушек: не есть при посторонних. Уминала салат и горячее за обе щёки, а всё потому, что разум был поглощён осмысливанием очень здоровой педагогической теории.

Тёплое освещение, приглушённая музыка и постоянно пополняющиеся чашки с чаем служили фоном к нашей беседе. Я изредка касалась пальцами кончика косы, выдавая лёгкий мандраж, а Максим держался открыто и внимательно следил за моей реакцией на каждую фразу.

Началось всё с ёмкого замечания о том, что наша образовательная система нуждается в модернизации.

– Вот мы сидим, отдыхаем, а ведь даже эта пауза работает

на когнитивные процессы, – пустился в объяснения Максим.

– В смысле?

На долю секунды мне показалось, что нить разговора утрачена, и Максим принялся энергично жестикулировать, словно рисуя некую схему:

– Когда мы двигаемся, неважно, бежим, танцуем или просто прогуливаемся, в мозгу запускается целая цепочка реакций. Усиливается приток крови к префронтальной коре – это та зона...

– ... которая отвечает за внимание, планирование и принятие решений, – подхватила мысль.

– Плюс выброс нейромедиаторов: дофамин даёт мотивацию, серотонин – спокойствие, а мозговой белок буквально «подпитывает» нейроны, улучшая пластичность мозга.

– Звучит как лекция по нейробиологии, – улыбнулась я, по-прежнему плохо улавливая суть толкований. А сама мысленно возликовала: вот, что ценю в мужчинах больше глянцевої внешности – отточенный ум. – Но интересно. Только как это применимо к системе образования? У нас же не тренажёрный зал или балетная студия со станками, а класс с партами.

Максим кивает, будто ждал этого вопроса:

– Никто и не просит ставить турники у доски! Речь о микро-включениях физических нагрузок в процесс. Например, перед контрольной проводим две минуты глубокого дыхания с движениями: подняли руки, сделали вдох, опустили

– выдох. Это снимает тревожность и «прочищает» голову. Или на уроке математики организуем игру с мячом: ученики кидают его друг другу и называют примеры. Движение плюс концентрация равно двойной эффект. – Он дал мне осмыслить не такую уж новаторскую методику и добавил с блеском в глазах: – Даже просто встать, потянуться, сделать круговые движения плечами, и уже кровь активнее идёт к мозгу.

– Это отлично работает в младших классах, где прямо в плане урока прописана физминутка. – Мой скепсис прорвался наружу. – Но дети из среднего и старшего звена будут смеяться. Скажут: «Это как в детском саду!»

– А ты подай это как «секретную технику чемпионов». Со средним звеном точно сработает. Если рассказать, что спортсмены перед соревнованиями делают похожие разминки – не для забавы, а чтобы мозг работал на максимуме, дети откликнутся. Они любят истории про «взрослые» методы.

Старшекласникам, я уверен, и объяснять ничего не придётся, тут куда важнее авторитет тренера. В отношениях со своими учениками я придерживаюсь трёх моделей: старший товарищ для малышей, равноправный партнёр – для подростков, и требовательный прапор – для взрослых групп.

До меня постепенно начала доходить суть его идеи. Не бороться с естественной потребностью двигаться, а использовать её. Вместо одергивания: «Сиди ровно!», говорить: «Давайте зарядимся энергией для следующей задачи!»

– Но как убедить коллег? – назрел у меня здравый вопрос.

– У нас традиционная модель образования, которая подразумевает изучение дисциплин через неподвижность.

– И отношение к двоечникам на галёрке, как к хулиганам и бунтарям, – согласился Максим. – Вспомнить хотя бы нас в школьные годы. Я сильно ошибусь, если назову тебя отличницей и прилежной ученицей?

– Нет, – скромно потупилась. – У меня всего две четвёрки в аттестате, а в дипломе только одна. Алгебра и физика всегда давались мне с огромным трудом.

– А я был троечником и прогульщиком. Позднее в педагогике даже термин такой закрепился: гиперактивный ребёнок. Только, на мой взгляд, всё это ерунда. Все дети от природы очень активные и любознательные, они пары минут спокойно усидеть на месте не могут. Просто в одних эту любознательность и стремление к движению подавляют родители, воспитатели и учителя, а другие так легко не сдаются.

Лично я родителям своих учеников объясняю, что движение – не «баловство», а биологическая необходимость. Дети ведь не статисты. Их тело – инструмент познания, а не часть неподвижного интерьера. Когда они прыгают, лазают, балансируют – они не «проказничают», а учат мозг работать.

– Получается, мы сами ограничиваем их потенциал, – вздохнула я с сожалением, дивясь простоте вывода, который всегда находился перед глазами, но в поле моего зрения попал буквально только что.

– Не ограничиваем, а пока не используем все возможно-

сти, — мягко поправил Максим. — Но это можно изменить. Начни с малого: одна разминка в день. Потом сможешь запустить целый проект «Активный класс». Название, кстати, дарю. Безвозмездно.

— Ага, «то есть даром», — со смехом подхватила я, припоминая реплику Совы из старого советского мультика про Винни-Пуха, и вдруг с удивлением обнаружила нас в машине перед моим домом.

Я так увлеклась обсуждением, что не запомнила обратный путь, даже не поняла, как мы очутились в столь тесном замкнутом пространстве и почему мне так уютно и спокойно рядом с тренером.

— Давай я провожу до квартиры.

Макс вышел из-за руля, придержал для меня пассажирскую дверь и подал руку. Крупные пальцы, широкая ладонь и тщательно подстриженные ногти. В неё хотелось провалиться целиком, свернуться калачиком и попросить накрыть сверху другой дланью. Так что я без колебаний взялась за его руку и медленно выпрямилась.

Наши лица сближались медленно. Запахи смешивались. Дыхание учащалось. Максим неотрывно смотрел на мои губы, а я в панике шарила взглядом у него за спиной, сочиняя отговорки. Мы ведь не станем целоваться на первом свидании? Тем более, что у меня нет никакой уверенности, можно ли считать наши посиделки за романтическое сближение. По мне так...

– Тебя кто-то обидел в прошлом? – внезапно огорошил Максим.

– Нет, а к чему этот вопрос?

– Ты съеживаешься рядом со мной и даже пятишься назад.

Безуспешно, между прочим. Хватка у него борцовская. Я не вырывалась, конечно, в полную силу, но была близка к панике. У него в глазах плескалось такое чёткое намерение завершить вечер крышесносным поцелуем, что поневоле затрясешься. А я не готова. Мне боязно подпустить к себе кого-то даже ради разовой акции нежности.

– Спасибо за приятный вечер, – проговорила с уверенностью и мягко высвободила руку. – Мне понравилось наше общение.

– Повторим завтра?

Я собиралась согласиться, когда Максим решил окончательно меня запугать:

– Поужинаем где-нибудь вместе?

– Зачем?

Видимо, удивление на моём лице было настолько трагедийным, что тренер растерялся.

– Потому что ты мне нравишься и мне приятно проводить с тобой время, – ответил вдумчиво, как если бы объяснял глуповатому ребёнку прописные истины.

Я хмыкнула. Нравлюсь, ага. А Луна – это сырная голова, что приколочена к звёздному небу.

– Нет, Максим, не повторим. Я не встречаюсь с мужчинами, – похлопала его по плечу и бодрой поступью направилась к подъезду.

– Почему? – полетел в спину резонный вопрос.

– Так проще, – резюмировала с улыбкой и скрылась в тепле.

Раздаривать свои чувства в данном случае – расточительство чистой воды. На слуху полно примеров подобных отношений: он Аполлон, Само Совершенство, тренер всея Руси и Ожившая картинка; она замарашка с кучей комплексов и рассадником тараканов под черепушкой. По законам жанра она непременно потеряет голову от любви, а вместе с ней и любые понятия о достоинстве. Он покорит вершину и отчалит в свою страну подтянутых мышц со столицей в городе Самолюбование. Ей останется только томно вздыхать долгими зимними вечерами, и по кусочкам собирать себя заново. Потому что подобные мужчины – они как ураганы. Ворвутся вихрем, всё взбаламутят, большую часть испортят или попытаются переделать под себя, а наигравшись, вышвырнут вон.

У моей двери уже дежурила соседка Инна, та самая предательница, которая подтолкнула меня в загребушие лапы Максима Владимировича. Я не поздоровалась. Насупилась, нашла в сумке связку ключей, потеснила Иуду бедром и молча вошла в прихожую.

– Что, облом, да? – сочувственно запричитала приятельница. – Сдулся красавчик как мыльный пузырь? Вот сотню

раз зарекалась идти на поводу у своей чуйки.

Она молотила языком, что семечки лузгала. Без спроса ввалилась в квартиру, бросилась на кухню, чтобы вскипятить чайник и даже не постеснялась занырнуть в холодильник в поисках антистрессовых деликатесов. На столе появились контейнер со вчерашним салатом с курицей, баклажанами, шампиньонами и морковью, сыровяленая колбаса, сырная нарезка и кусок недоеденного морковного торта.

– Ты рассказывай-рассказывай, – подначила меня Инна, заботливо предлагая устроиться на стуле. – Авось полегчает. Он ведь не явился на свиданку? Ну, жук навозный!

– Почему? Явился, – перебила я заготовленный список оскорблений.

– Да? – Инка застыла с заварочным чайником и жалостливо прижала его к пышной груди. – Нахамил, да? Как этот твой...

– Роберт, – подсказала я, с неохотой вспоминая последнее неудавшееся свидание. – И нет, Максим был очень мил. Дети мне не совал, на слоновью прожорливость не намекал. Мы почти всё время проговорили взахлёб.

Соседка явственно стушевалась. В её мировосприятии моя постная физиономия плохо вязалась с удачным свиданием.

Она присела на краешек табуретки, налила в кружку заварку, от души хапнула и скривилась от горечи.

– Тьфу ты, Ленка! Совсем мозги мне запудрила, – досад-

ливо возвестила Инка, выплюнула терпкую жижу обратно в кружку и снова растеклась сочувствующей лужицей. – Этот отморозок приставал к тебе, да?

После чего сама же ответила на свой вопрос и затарахтела, как старый советский холодильник марки «ЗИЛ».

– Леноч, ты пойми, время сейчас такое – сплошной разврат. Секс давно перестал быть сакральным таинством двух влюблённых людей и превратился в обыденность. Трахнуть-ся после пяти минут знакомства – это вроде чистки зубов, ежедневный ритуал, полезно, мол, для здоровья. Я понимаю, что ты...

– Ин, не было ничего. – Устало вытянула руки вдоль столешницы и грохнула поверх свою голову. – Ни попыток, ни поползновений. Максим и здесь оказался на высоте.

– Тогда почему ты такая?

– Какая?

– Как будто из-под асфальтоукладчика выбралась. Плоская, невесёлая и еле живая. Ой, постой, кажется, догадалась! Он не пригласил тебя на второе свидание?

– Пригласил и даже настаивал. Я сама отказалась.

– Бог мой, почему? – всплеснула руками подруга.

– Потому что мне нужны отношения, особенно с мужчиной вроде Максима. Я не готова выполнять роль зеркала для самовлюблённого нарцисса.

– Чего-чего? Это Дегтярёв-то нарцисс?! Или ты так завуалировано называешь его п...расом?

Я аж подавилась последним словом.

– Он не!.. Нормально у него с ориентацией, в общем. Просто не моего поля ягодка.

– А кто ж тогда твоего? Царица полей – кукуруза?!

Я подпёрла щёку кулаком и крепко задумалась.

– Не знаю, Инк. Но точно уверена, что ввязываться в неравные отношения не буду. Грызть ногти, стогать от ревности и задыхаться от каждого взгляда – это, знаешь ли, хорошо в шестнадцать лет. А когда тебе в два раза больше, хочется банальщины: иметь под боком какого-нибудь бухгалтера с хлебозавода или завалящего инженера. Желательно с залысинами, пивным брюшком и диванообразной жопой.

Инка загоготала:

– Ты себя-то слышишь, мать? Рассуждаешь, как будущая попадья. С такими запросами тебе не инженер нужен, а дьякон из села Обрыдлово.

– Дьякон тоже сойдёт, – солгала, не моргнув глазом, и смачно зевнула, намекая соседке, что той пора восвояси.

А ночью долго ворочалась без сна и пыталась заглушить истошные вопли внутреннего голоса. Тот требовал наплевать на страхи и принципы и сунуть страусиную голову в косяк.

Глава 8

Максим

Я сижу за столом в своём кабинете, листаю резюме и жду очередную кандидатку. Настроение на нуле. В башке до сих пор набатом бьётся последняя фраза Алёны. *«Я не встречаюсь с мужчинами. Так проще»*. Вынос мозга какой-то. Кому проще? И если не с мужчинами, то, выходит, с женщинами? Ощущаю какую-то странную злость. Плюнуть бы на всё да забыть, но мысли упорно крутятся вокруг этой чокнутой.

В коридоре слышны лёгкие шаги, затем следует осторожный стук в дверь.

– Войдите, – поднимаю глаза.

В проёме появляется девушка. Дарья Андреевна. Стройная, почти хрупкая, с большими глазами и лёгкой улыбкой. Внешне симпатяга. Но первое впечатление штука обманчивая. Знаю это по опыту.

– Здравствуйте, Максим Владимирович, – она переступает порог, держит в руках папку с документами. – Я Дарья, мы договаривались о собеседовании.

– Присаживайтесь, – киваю на стул напротив. – Расскажите, почему решили попробовать себя в тренерстве?

Она садится, поправляет прядь волос, на секунду задумывается.

– Всегда любила спорт. В детстве занималась гимнастикой, потом плаванием. А когда впервые попала на тренировку по единоборствам... – глаза загораются. – Это же такая энергия! И дисциплина. И ещё возможность помогать детям становиться сильнее не только физически, но и внутренне.

Я киваю, отмечаю искренность. Но пока рано делать выводы.

– Опыт работы с детьми есть?

– Да, конечно! – оживляется. – Два года в детском центре, вела там занятия по общей физической подготовке. И ещё полгода в летнем лагере, там тоже были спортивные смены.

– С какими возрастами работали?

– От четырёх до четырнадцати. В основном занималась с дошкольниками и младшими школьниками.

Хорошо. Это важно. С малышами нужен особый подход: и терпение, и чуткость, и умение не перегнуть палку.

– Расскажите, как бы вы провели первое занятие с группой пятилеток? – задаю пробный вопрос.

Дарья на секунду замирает, потом начинает говорить, сначала осторожно, потом всё увереннее:

– Начнём со знакомства. Чтобы дети не боялись, чтобы почувствовали лёгкость, пошли на сближение. Потом приступим к разминке в игровой форме: например, «как зверушки»: кто-то прыгает как зайчик, кто-то ходит как мишка. Дальше предложу простые упражнения на координацию: перекаты, кувырки, балансирование. И обязательно устроим

игру в конце, чтобы малыши ушли с улыбкой.

Киваю. Неплохо. Но... слишком опосредованно. В четыре года дети с удовольствием поддержат игру в зайчиков, а вот для шестилеток придётся изобрести что-нибудь более взрослое. Впрочем, это поправимо.

– А если кто-то отказывается выполнять упражнение? Плачет, боится, скупает по маме.

– Тут важно не давить. Предложить альтернативу. Например, если не хочет кувыркаться, пусть попробует просто перекатиться на бок. Или постоит рядом, посмотрит, как выполняют упражнение другие. Главное, не заставлять действовать через страх. Дети должны чувствовать, что им здесь безопасно.

Вот это уже серьёзно. Хороший ответ. А в подкорке складывается новая схема по завоеванию своенравной учительницы. Чёрта с два я отступлюсь. Запала она мне крепко.

– Допустим, родитель приходит и говорит: «Моему ребёнку скучно, он не хочет ходить». Что скажете?

Дарья задумывается, но ненадолго. При этом смотрит на меня чуть дольше, чем требуется, наклоняет голову, будто оценивает реакцию. Хлопает ресницами и зачем-то заправляет прядь светлых волос за ухо. Облизывает губы.

– Спрошу, что именно ребёнку не нравится. Может, упражнения слишком простые или слишком сложные. Или не хватает взаимодействия, тогда добавлю парные задания. А ещё предложу родителям посмотреть занятие, чтобы они

увидели, как мы работаем. Иногда дети просто не точно рассказывают, а на деле всё нормально.

Улыбаюсь.

– То есть вы готовы слушать и ребёнка, и родителя?

– Конечно! – восклицает уверенно. – Без диалога ничего не получится. Хотя... – делает паузу, чуть прищуривается, – иногда диалог получается слишком увлекательным. Особенно если собеседник... интересный.

Её взгляд упирается в меня словно дуло пистолета. Спина у неё прямая, плечи расправлены, грудь выпячивается вперёд. Меня, что, пытаются охмурить? Ненавязчиво, но предельно чётко. Бесит.

Я мягко, но твёрдо возвращаю разговор в рабочее русло:

– Давайте о технике. Какие базовые приёмы вы бы дали детям 5–7 лет?

Она слегка краснеет, будто осознав, что перешла грань дозволенного, и спешит ответить по делу:

– Ну... В этом возрасте, наверное, стоит сосредоточиться на координации и балансе. Отлично подойдут упражнения «лабиринт», «кошка» или «медведь».

Ну чисто зоопарк, что раздражает ещё больше. Тем не менее, киваю одобрительно. Я всего лишь беседую с соискателем на должность тренера, въедливость подключать ни к чему.

– Правильно. А почему вы ушли из детского центра? – решаю задать прямой вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.